

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 5 (88)

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

КАБАРДИНСКИЕ ХАДЖРЕТЫ В ЧЕРКЕССКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ

Продолжение.
Предыдущие главы в
выпусках 20 (79) – 24 (83),
1(84) – 4(87).

Хаджреты и Шамиль.

После потери равнинной территории между Кубанью и Лабой, черкесы стали более отчетливо осознавать необходимость координации действий с горцами Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. Важную роль в налаживании такой координации сыграли лидеры кабардинских хаджретов, имевшие надежные связи с населением Кабарды и теми хаджретами, которые нашли прибежище в Чечне.

С другой стороны, к 1841 г. успехи горского сопротивления под руководством Шамиля были настолько очевидны, что черкесы решили перенять его опыт и знания путем привлечения одного из его доверенных представителей в Черкесию.

Так началась история набобов Шамиля в Черкесии, сыгравших выдающуюся роль в объединении разрозненных черкесских обществ под флагом борьбы за независимость. Первый представитель Шамиля в Черкесии Хаджи-Мухаммед (май 1842 – май 1844); второй наиб – Сулейман-эфенди (февраль 1845 – весна 1846); третий наиб Мухаммед-Амин (декабрь 1848 – декабрь 1859). (Мусхаджиев С. Х. Исламский узел Кавказской войны. Идеологический и политический аспекты освободительного движения на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.). Майкоп, 2006. С. 155).

Внимательный исследователь деятельности набобов Шамиля в Черкесии С. Х. Мусхаджиев подчеркивает их преимущественную роль политических арбитров и религиозных идеологов: «В стане Шамиля находилось немало набобов, отличившихся крупными военными успехами в освободительном движении, но, кажется, главным критерием для отбора набоба-посланника в Черкесию имам выделял не военную доблесть, а религиозно-политическую подготовленность». (Там же. С. 159).

Достигнув весьма внушительных успехов, первый наиб умер в мае 1844 г., а уже в сентябре 1844 г. стало известно о

ПОСЛЕ АДРИАНОПОЛЯ. 1829 – 1864 гг.

том, что абадзехи, бесленевцы и закубанские кабардинцы направили делегацию к Шамилю. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 36: Переписка о полученных от лазутчиков сведений о делегации знатных лиц горцев к Шамилю за советом о борьбе с русскими. 23 сентября 1844 – 9 февраля 1845 г.). Переписка по этому поводу уже опубликована в выпуске 11 (70) «Ликов...» за 19 июня 2012 г. Среди инициаторов этой политико-дипломатической акции были князья-хаджреты Тембулат Кайтукин и Магомет Атажукин. (Там же. Л. 1).

В ноябре 1844 г. стало известно, что Шамиль определил Юсуфа-Хаджи своим новым представителем у черкесов и что это назначение не понравилось черкесской депутации: «доверенные закубанцев недовольны таким назначением по той причине, что Юсуф-Хаджи, будучи уже один раз с Хаджи-Магометом за Кубанью, несправедливостями своими вооружил против себя народ». (Там же. Л. 9). По всей видимости, Юсуф-Хаджи не был окончательно утвержден и Шамиль через некоторое время утвердил второго набоба – Сулеймана-эфенди.

Личность Юсуфа-Хаджи весьма знаменательна в плане контактов Дагестана, Чечни и Черкесии с Османской империей. Он был уроженцем чеченского селения Алды, родины знаменитого шейха Мансура. В молодые годы числился среди мамлюков Мухаммада Али, хедива Египта, затем входил в окружение его сына Ибрахима-паши, разгромившего османов и едва не достигшего Стамбула в ходе войны 1831-1833 гг. Как сообщает об этом этапе его биографии известный дагестанский ученый и хронист Мухаммад Тахир ал-Карахи, «хаджи Юсуф, который пришел от его присутствия Ибрахим-паши, у которого он был «в черкесах»».

(Ал-Карахи, Мухаммад Тахир. Три имама // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала. 1926 // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/>

Arabojaz_ist/Karachi_II/pred.htm).

Эта фраза дагестанского хрониста показывает, что северокавказская элита была очень хорошо информирована о включенности своих земляков в египетскую военную элиту, в рядах которой они фигурировали как черкесы.

Находясь в Черкесии, Юсуф-Хаджи старался быть полезен Шамилю в налаживании его дипломатических контактов с османским правительством. Как отмечает ал-Карахи, имам получил от него такое известие: «Если ты хочешь изложить какое-либо дело султану Абд ал-Меджиду, так посылай ко мне».

Приведем этот крайне любопытный рассказ ал-Карахи в переводе Т. Айтберова:

«[1842–1843 гг.]. Кое-что о том, что произошло с гонцами имама, которых он отправил к Его величеству султану Абд ал-Маджидхану, побуждая его и призывая к войне против неверных... Гонцы (Шамиля – Прим. С. Х.) двинулись сначала к своему находившемуся в Гехи проводнику — черкесскому мухаджиру Султанбеку. В Гехи они пробыли тогда около десяти дней, ожидая, пока Султанбек не вернется из поездки. Тем временем русским была доставлена информация, что четверо гонцов имама направляются в их, русскую, сторону, в связи с чем они расставили на дороге дозорных. На этих дозорных случайно наткнулись, однако, четверо юношей-черкесов, и они убили последних. После того, как русские узнали об этом, наблюдение было прекращено, ибо они подумали, что полученное известие ложное.

Проводник тот – Султанбек Черкесский, наконец, вернулся. Он взял с собой еще двух других проводников, и все они двинулись в путь. Шли они ночами, а днем прятались и так, пока не перешли Кубань (Губан). Затем гонцы Шамиля пошли опять и двигались вперед, пока не остановились в Абадзехии (Абазак) у хаджи Исмаила. Там они и застали хаджи Юсуфа.

Гонцы передали хаджи Юсу-

пу письмо имама, в котором было написано: «Я отправил к тебе этих заслуживающих доверия лиц с тем, чтобы ты помог им добраться туда, куда они направляются».

Гонцы имама пробыли в Абадзехии в течение некоторого времени, а затем двинулись в путь вместе с хаджи Юсуфом. Он, однако, в местах сбора людей, на заседаниях, начал сообщать о том, что содержалось в том письме. Амирхан запретил было хаджи Юсупу распространять тайну имама, но тот не прекратил этого и даже выбрал Амирхана: «Здесь не бывает измены и передачи тайн неверным, как то имеет место у горцев».

Они пошли дальше и остановились на берегу моря — между русской крепостью в Анапе (Анафа) и крепостью Сухуми (Сухум), между которыми имелось еще много мелких крепостей, возведенных на берегу моря, в местах, свободных от леса. В лесах же находились тогда ведущие войну, борющиеся черкесы.

Хаджи Юсуп возвратился затем назад. Гонцы же имама провели на побережье целых три месяца в ожидании корабля из Турции (Усманлу), который должен был прибыть с торговыми целями. Какие-то корабли окружили, однако, тот корабль, когда он появился; говорили, что корабли русских окружили его, чтобы на него не сели те гонцы.

Гонцы Шамиля пошли тогда к кораблю, который остановился в местности, находящейся выше. Когда, однако, они прибыли туда, обнаружили, что он поврежден русскими пушками и сожжен по той же причине.

Когда гонцы находились в той местности, у кунака Амирхана остановился один юноша – сын большого человека из крымцев (хирир). Он утверждал при этом, что провел среди русских десять лет в качестве заложника и прочел тогда их книги. В одной из них этот юноша увидел, якобы, запись: «В некоей маленькой стране возникает государственное устройство (низам), которым в такую-то эпоху будет сокруше-

но могущество русских». Амирхан спросил этого крымца: «А когда наступит эта эпоха?» Тот ответил: «Примерно через семь месяцев». Когда же примерно в такое время гонцы возвратились затем к имаму, то обнаружили, что он уже начал создавать государственное устройство – назначает людей управлять над десятками и сотнями. Хвала Аллаху – щедрому и милостивому!

Затем гонцы имама пошли к другому кораблю, стоявшему еще выше. Когда же они остановились в одном селении, находящемся рядом с кораблем, ночью вдруг раздался крик. Люди выскочили наружу, а когда наступило утро, им сообщили, что тот корабль сожжен отрядом русских. Гонцам сообщили тут, что осталось еще одно судно, стоящее выше того, но на опасной дороге.

Амирхан пошел туда и остановился у благочестивого кунака по имени Хасанбий. Ему Амирхан объявил, что хочет сесть на корабль для поездки в хадж и попросил помощи. Хасанбий согласился и пообещал Амирхану посадить его на корабль. Тогда Амирхан направил к товарищам восточку, чтобы они явились к нему. Однажды тот кунак пошел в русскую крепость по делу одного арестованного. Оттуда он вернулся со словами: «Начальник русских спросил меня: «Посланцы Шамиля у тебя что ли находятся?» Ты скажи им: «Пусть они там [в Дагестане] спокойно сидят». Затем Хасанбий спросил: «Вы что, посланцы?» – и тогда они сказали ему правду.

Тут пришел моряк и сказал: «Я не могу везти их. Если русские настигнут меня вместе с вами, то сожгут меня живьем и заберут мое имущество. Если же они настигнут меня без вас, то заберут мое имущество, а меня отпустят, согласно своему обычаю. Так принято между нами и русскими».

Не имея возможности избавиться от русских шпионов, гонцы имама посоветовались тогда между собой и согласились: Шайх повезет письма, а Амирхан и Муса возвратятся назад, демонстрируя при этом людям, что между ними произошла ссора. Затем они на

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

собрании народа сказали друг другу: «Нам нет дороги. Давай мы вернемся назад».

Тут Шайх заспорил с теми, сделал вид, что ссорится и заявил: «Я вам не товарищ. Я хочу увидеть Каабу и поэтому не вернусь назад вместе с вами». Гонцы сделали тогда вид, что спорят, ссорятся и после этого Шайх и хаджи Иджа остались там [в Причерноморье], а Амирхан и Муса повернули назад. Они оба при этом шептались: «Это произошло из-за злополучия хаджи Юсупа. При возвращении мы возьмем его с собой и там убьем».

Когда эти двое прибыли к хаджи Юсупу, то довольно быстро подтолкнули его на переселение к имаму. Они тогда не смогли, однако, убить хаджи Юсупа. Дело в том, что в пути он оказался им нужным. Возвратились же они, проходя сквозь русских, с большим страхом и опасением. Тот хаджи говорил даже: «Какое же утешение может быть после такого стеснения?».

Что же касается Шайха, то он пробыл там [в Причерноморье] до следующей осени. Затем он сел на корабль, прибыл к Его величеству султану и передал письма. Ему сказали: «Мы дадим тебе ответ через семь месяцев». Тогда Шайх отправился в хадж, а при возвращении оттуда умер. Да помилует его всевышний Аллах и да примет его хадж».

Как отмечает Т. Айтберов, «известный хаджи Юсуп Сафаров родом из чеченского сел. Алда; в русских документах от 1843 г. он именуется «турецким чиновником родом из дагестанцев» и «родом татарин», чей отец «долго торговал в Кизляре». С 1843 г. хаджи Юсуп был назначен наибом части Малой Чечни, но «на этом участке» он «скорее вреден, чем полезен Шамилю», ибо как истинный выкормыш турецкой административной системы выделялся «разного рода несправедливостями и взятками», чем заслужил «ненависть чеченцев». Согласно Айтберову, «в русских документах за январь-февраль 1843 г. отмечено, что хаджи Юсуп с двумя посланцами Шамиля к турецкому султану проехали «из Закубани через Кабарду в Чечню». (Мухаммед-Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах // http://a-u-l.narod.ru/Muhammed-Tahir-al-Karahi-Blesk_Dagestanskikh_sabel.html#gl44).

После возвращения в Дагестан, бывший офицер египетской регулярной пехоты (низамиджедид) участвовал в создании регулярной пехоты Шамиля, был главным инженером имама, его картографом и политическим советником. «В 1854 г. Шамиль, — пишет Моше Гаммер, — уличил его в тайных связях, согласно одним источникам — с русскими, по другим — с османами, и отправил в ссылку. Через два года Хаджи-Юсуф бежал оттуда к русским и вскоре после этого

умер. Его последней работой была составленная по заказу русских карта владений Шамиля». (Гаммер М. Мусульманское сопротивление царю: Шамиль и завоевание Чечни и Дагестана. М.: «КРОН-ПРЕСС», 1998. С. 353).

Касаясь процедуры назначения наибов к черкесам, Мухаджиев отмечает: «Решение лидер Имамата принимал не самолично, а на совещании с участием адыгских депутатов. Кандидатура шамилевского посланника должна была пройти их одобрение. Имело место и отклонение, которое, безусловно, было принято руководством Имамата. Такое демократическое правило утверждения специального посланника наиболее позитивно влияло на усиление военно-политического взаимодействия Имамата и адыгов и на рост авторитета имама Шамиля». (Мухаджиев С. Х. Исламский узел... С. 155).

Один из лидеров черкесского сопротивления бесленевский князь Айтэк Каноков погиб, как указывает Щербина, 26 сентября 1844 г. (Щербина Ф. А. История... С. 476). В этом же году произошло возвращение бесленевцев в подконтрольные русским районы (Уруп, Большой и Малый Тегени, Окарт).

3 февраля 1845 г. отряд полковника Рихтера уничтожил темиргоевский аул Темрюкай (50 убитых, 36 пленных), расположенный на левом берегу р. Белой: аул располагался на «высокой горе» притом, что брод, через который перешли войска был на равнине в 3-х верстах ниже а. Темрюкай, а до брода войска двигались из станицы Некрасовской на Лабе 55 верст. (Ржевуский А. 1845-й год на Кавказе // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис, 1883. С. 420-422).

Согласно Сталю, знаменитый предводитель хаджретов князь Магомет-Аш Атажукин погибает в бою под Ставрополем в 1846 г. (Этнографический очерк... С. 141). При этом, Сталь в другом месте своего очерка, при описании кровной мести, указывает, что в 1846 г. бесленевский князь Адиль-Гирей Каноков убил своего кровника кабардинского князя Магомета Атажукина на р. Уруп. Это ошибка Сталья или жили в одно время и в один год погибли два князя-хаджрета по имени Магомет Атажукин?

Флориан Жиль, преподаватель французского языка цесаревичу Александру Николаевичу (Александру II), впоследствии занимавший пост начальника I Отдельного Императорского Эрмитажа, в 1858 г. совершил путешествие на Кавказ. По итогам путешествия он издал весьма любопытные заметки, на страницах которых мы обнаруживаем рассказ о Магомете Атажукине:

«У переселившихся черкесов и кабардинцев был один герой, князь Мохаммед-Аше-Атажуко. Одновременно рыцарь и поэт, он был идеалом

всех черкесов, видевших в нем олицетворение мужества. В одном из боев с нами он проявил благородство, достойное времен христианского рыцарства. Один ногайский князь, Эдик-Мариаф, его друг, сражался рядом с ним; его конь был убит. На виду наших казаков, все более и более сжимающих черкесов, Мохаммед-Аше спрыгнул со своего коня и предложил вскочить на него Эдику-Мариафу. Последний, не менее благородный, отказался от этого, заявив, что «он лишь простой ногайский князь пред Мохаммед-Аше, кабардинским князем, гордостью своего народа». Тогда Мохаммед-Аше, прыгнув в седло, схватил за пояс своего друга, увез его и, сделав последнее усилие, сумел преодолеть со своей ношей линию наших казаков.

Разбитый в Бекешевской в 1843 г. полковником Круговским (позднее атаманом казаков Правого фланга), Мохаммед-Аше в этом бою проявил чудеса доблести и был прославлен в песнях.

Он как бы искал смерти, пред коей бравировал своими поступками. В 1846 г., сопровождаемый лишь тринадцатью такими же, как он, решительных воинов, он захотел совершить нападение на Ставрополь, что было поступком дерзким, стоившим ему жизни. Было проведено о его приближении; скоро он был окружен нашими казаками. Князь, сказавший своим путникам, что вернет их «живыми или мертвыми», совершил пред ними краткую молитву и бросился на кольцо, его окружавшее. Он прорвал его, но заметил, что оказался без своих людей; возвратился, прокричал им вселяющие бодрость слова и вновь присоединился к ним. Он трижды возвращался и вновь сходил с ними. Слышны были его крики ободрения. Все более и более теснимый он погибает вместе со всеми своими спутниками. Лишь один, будучи раненым, спасся и рассказал о происшедшем; но он был встречен с презрением.

В песне, что черкесы сложили в честь этого князя, сказано: «Он пал близ крепости Ставрополь (Чель-Каля), окруженный своими врагами, наш Мохаммед-Аше, рыцарь Бога. Своей мужественной смертью он возвысил славу нашего дворянства (Уорк напе хехахо)».

Можно многое написать об этом замечательном человеке, последнем из древних тлеухпх (рыцарей, богатырей). Вся его жизнь была как поэма. Это Антар Кавказа!». (Жиль Ф. А. Письма о Кавказе и Крыме. Составление и перевод с французского К. А. Мальбахова. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. С. 138-139).

Сталь выделяет такое событие, как народное собрание кабардинцев на р. Марух в 1846 г.: «Беглые кабардинцы учредили у себя народный суд. Главным деятелем и языком народа был здесь Хаджи-Трам». (Этнографический очерк... С. 157). Влияние Ста-

ля прослеживается в сочинении Жилия: «Дворянство переселившихся кабардинцев имело множество столь же замечательных воинов, таких как Эрик-Мустафа, Кубат-Али-Хаджи, Кайтука и Трам (создатель мехкемехов), Зариг, султан кизилбеков». (Жиль Ф. А. Письма... С. 139).

В 1846 г. состоялся рейд Шамиля в Кабарду, который имел целью, насколько можно судить, соединение двух фронтов северокавказского сопротивления. Сделать это было невозможно, поскольку: 1) Кабарда была полностью обессилена чередой предшествующих восстаний; 2) территория Кабарды была полностью подконтрольна российской армии; 3) с природно-географической точки зрения любое длительное сопротивление здесь было невозможно из-за практически непроницаемой стены Главного Кавказского хребта с его холмными ущельями.

Тем не менее, горцы были полны решимости и не принимали в расчет географическую преопределенность.

Среди сподвижников Шамиля черкесского происхождения особенно выделяются две фигуры: Мухаммед-мирза ибн Анзавр (Анзор), тлекотлеш из Малой Кабарды и абадзех Ибрахим-хаджи ал-Черкеси (ал-Абадзахи).

Ибрахим-хаджи (ал-Черкеси), мухаджир из Абадзеха, — известный черкесский ученый-богослов, один из ближайших сподвижников Шамиля. С декабря 1846 г. — кадий черкесских мухаджиров в округе Гехи. Он был среди тех, кто оставался с Шамилем на Гунибе и, по всей видимости, погиб при его защите. Он упоминается первым среди тех деятелей имама, которые до конца оставались с Шамилем: «Затем русские расположились вокруг горы Гуниба и устроили свои лагери на горе Кахаль, напротив плато Гуналя. У них были наибы и прочие лица, и главы, и ополченцы. А у Шамиля были из глав только знающий ученый мухаджир Ибрахим ал-Черкеси, ученый мухаджир хаджи Насруллах ал-Кабери ал-Курали, твердо мыслящий ученый Гальбац ал-Карати (удрученный отставкой от наибства и убийством своего сына из-за одного дела). Рассказывают, что во время собрания для переговоров о перемирии он сказал им [посредникам] следующее: «Наши отцы говорили — поистине, вы, [т. е. русские], приятны речами, богаты деньгами, легки сначала, тяжелы после (и мы не хотим с вами мира)». Конец».

(Хроника Мухаммеда ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / Пер. А. М. Барабанова М. АН СССР. 1941 // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/Arabo_jaz_ist/Karahi_I/fragment4.htm).

Сохранилось интересное письмо Ибрахима-хаджи ал-Черкеси к Мухаммаду-Амину, датированное 20 сентября 1848 г., то есть непосредственно

перед отправлением последнего в качестве наиба на родину Ибрахима-хаджи.

«От нуждающегося [в милости Аллаха] Ибрахима-хаджи к столпу просвещенности, способному наибу, великому мудиру Мухаммадамину — салам тебе с милостью.

А затем — когда я пришел в вилайат Калайиш (Галаш в Чечне. — Прим. С. Х.) и пробыл там день, на другой — пришли люди из Кабарды (Габарта) с требованием вернуть пленных. Я застал их в то время, когда они были в нерешительности, пойти ли им в вилайат Гехи, а я приостановил их, пока они не испросят позволения у тебя и у Мухаммадмирзы.

Эти люди знатного происхождения, и нет у них связи с этими проклятыми, они из тех, у кого есть благородство, которое не позволяет им шпионить за мусульманами. И мы знаем, что они не из породы шпионов.

И если Мухаммадмирза такого мнения, чтобы двое из них отправились к тебе, не препятствуй ему в [этом], а полагайся на его слова, потому что хозяин дома лучше знает, что в его доме.

Мы же знаем, что у них полное доброжелательство к делу мусульман. И мир». (<http://www.chechen.org/192-arabojazychnye-dokumenty-jepokhi-shamilja.html>).

Мухаммад-мирза ибн Анзавр (Анзор) перешел на сторону Шамиля во время его неудачного вторжения в Кабарду в 1846 г. и в августе этого же года был назначен наибом округа Гехи в Малой Чечне, а 4 марта 1849 г. назначен мударом (главным наибом) Малой Чечни. 19 июня 1851 г. Мухаммед-Мирза умер от полученной в бою раны.

В 1852 г. войска захватили Автуры, где находился его дом и проживала его вдова. В результате в руки царских офицеров попала значительная переписка Мухаммада-мирзы с Шамилем и другими наибами. В составе так называемой коллекции академика Дорна она хранится в Санкт-Петербургском филиале института востоковедения. (Арабские письма из архива Б. А. Дорна // Письменные памятники Востока. 1970. М. Наука. 1974; Арабоязычные документы эпохи Шамиля / Пер. Р. Ш. Шарифудиновой. М. Восточная литература. 2001).

Вскоре после назначения Мухаммада-мирзы в Гехи, в декабре 1846 г. последовало распоряжение гумбетовского наиба Абакара, от лица Шамиля, передать всех черкесских мухаджиров в подчинение Мухаммад-мирзы:

«От военачальника (амир ал-джайш), мазуна имама Абакара ко всем, у кого есть черкесы, — наиба и жителям Гехи, Мартана, Чечни и другим — большой салам.

А затем — отправьте всех черкесов, которые есть у вас, к Мухаммадмирзе без промедления и не оставляйте их у

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

Карта Западной части Кавказского края, составленная из топографических сведений, собранных о Закубанских горских народах и дополненная распросами 1842 года. Тифлис, 184?. М. 4,2 км в 1 см. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 14 / IV - 11. Фрагмент.

себя. А если вы пренебрежете этим и не отправите их к нему, он будет брать с вас по пять туманов серебра каждый день, пока вы не направите их.

Это приказ имама Шамиля. Сделайте же это и не пренебрегайте, а если иначе, то вина на вас.

[Вот] это. И мир».

В значительной степени инициатива в организации похода Шамиля в Кабарду принадлежала лидерам черкесского сопротивления, в их числе – кабардинцам, находившимся в Абадзехии. Об этом свидетельствует, в частности, рапорт ген.-м. Ковалевского ген.-л. Завадовскому от 6 мая 1846 г., в котором сообщается, что «беглый кабардинец Сидок, проживающий между абадзехами на р. Курджипсе, находился в скопище Шамиля, вторгнувшемся в Большую Кабарду». После отступления Шамиля, Сидок благополучно достиг Абадзехии с двумя письмами от имама: одно было адресовано кабардинцам, другое – абадзехам. (Рапорт ген.-м. Ковалевского ген.-л. Завадовскому, от 6 мая 1846 г., № 2145 // АКАК. Т. X. С. 585).

Другой рапорт ген.-м. Ковалевского ген.-л. Завадовскому, датированный августом 1847 г., показывает нам, что кабардинцы и бесленеевцы, имевшие статус мирных и проживавшие между Лабой и Кубанью, продолжали негласно участвовать в военных акциях черкесского сопротивления. (Рапорт ген.-м. Ковалевского ген.-л. Завадовскому, от 23 августа 1847 г., № 45. Секретно // АКАК. Т. X. С. 588-589).

Абадзехская старшинская верхушка прилагала целенаправленные усилия для консолидации сил сопротивления. Старшины организовали проведение общенародной присяги, обязавшей действовать заодно и не поддерживать никаких кон-

тактов с русскими военными властями без санкции совета старшин. За нарушение присяги накладывались огромные штрафы, а для шпионов полагалась только одна кара – смерть. «Эту меру они уже приводят в исполнение, – сообщил ген.-м. Ковалевский, – казнив перед целой партией двух наших лазутчиков из первостепенных кабардинских узденей. Смерть этих двух человек навела такой ужас на остальных, что они все отказались служить и теперь почти невозможно отыскать лазутчиков – обстоятельство чрезвычайной важности в настоящее время». (Рапорт ген.-м. Ковалевского ген.-л. Завадовскому, от 7 сентября 1847 г. № 160. Секретно // АКАК. Т. X. С. 589).

В октябре 1847 г. русские перехватили в Кабарде депутацию от абадзехов к Шамилю. Депутация сопровождалась кабардинцами из Большой Кабарды. На Куркужине произошло боестолкновение, в результате которого часть черкесов была убита, часть попала в плен, и часть успела ретироваться. Письма попали в руки администрации: из них стало ясно, что черкесы обратились к имаму «с просьбой прислать к ним в наибы кого-либо из приближенных к нему чеченцев или лезгин, дабы распространить учение шариата и управлять ими в военных действиях против нашего правительства». (Отношение кн. Воронцова в кн. Чернышеву, от 8 ноября 1847 г., № 117. Секретно // АКАК. Т. X. С. 590-591).

Новый этап в организации черкесского сопротивления наступает с прибытием в конце 1848 г. третьего, направленного к черкесам, наиба Шамиля Мухаммед-Амина (Асиялав).

Появление Мухаммед-Амина в Абадзехии было собственной инициативой старшинской

верхушки абадзехов. В декабре 1848 г. он прибыл в Абадзехию в сопровождении кабардинца, человека первостепенных кабардинских узденей Анзоровых, проживавших в Чечне. Этот кабардинец доставил наиба через Карачай. Остановился наиб в доме абадзехского старшины Хаджи Хасая Джандарова. (Рапорт ген.-м. Ковалевского Завадовскому, от 17 января 1849 г., № 183 // АКАК. Т. X. С. 593).

Представляют значительный интерес воспоминания полковника Руновского, надзиравшего над плененным имамом Шамилем в Калуге:

«12 декабря. Сегодня утром я сообщил Шамилю о принятии русского подданства абадзехами и о присяге их старшин, имевших при этом во главе своей Магомед Амина.

Обнаружив большую радость, повидимому непритворную, Шамиль похвалил бывшего своего наиба за умное дело и сказал, «я давно этого ожидал, не знаю, зачем он до сих пор медлил, теперь Шамиль нет на Кавказе и войны быть не может».

За обедом я выразил предположение об уме и дарованиях Магомед Амина, основывая свое мнение на том обстоятельстве, что он, будучи для племени правого крыла Кавказской линии человеком чуждым и по языку, и по обычаям, успел, однако, приобрести между ними столько популярности, что склонил их на решение тем более важное, что в его словах они могли видеть влияние Шамиля, находящегося теперь в условиях исключительных.

Шамиль усмехнулся и сказал:

– Когда доходили до меня слухи об успехах Магомед Амина на правом фланге, – я всегда удивлялся, а иногда не верил этому.

– Отчего? спросил я.

– Оттого, что я считал его совершенно неспособным к делу, для которого он был послан.

– Зачем же ты послал его? Ответ Шамиля заключался в следующем.

Когда посланные от абадзехов объявили ему просьбу своего народа о назначении к ним предводителя из числа его наибов, – Шамиль отвечал им, что в то время у него не было ни одного человека, который мог бы оправдать надежды народа и его собственное доверие. На усиленные просьбы депутатов, Шамиль снова отвечал решительным отказом принять на себя ответственность в таком деле, от которого зависит благосостояние всей страны. Последовавшие затем новые просьбы депутатов, подкрепил со своей стороны известный секретарь Шамиля, Мирза Амир-Хан Чиркеевский, управлявший под личным его надзором и руководством почти всеми делами края. Он сказал, что нельзя оставить народ на произвол недалевидных старшин, которые с давнего времени подвергают страну двойному бедствию, как собственными междоусобиями, порождаемыми мелким самолюбием, так и со стороны русских, для которых взаимные их распри служат самым лучшим союзником.

Тогда Шамиль предложил ехать к абадзехам этому самому Мирзе Амир-Хану, но он отозвался нежеланием переселиться в столь отдаленный край, в котором, к тому же, нет ничего общего с Дагестаном. Этот самый ответ дали и некоторые другие приближенные Шамиля, которых он считал сколько-нибудь способными управлять народом и военными действиями. О Магомед-Амине ему и на ум не приходило, потому что, зная его за человека храброго и столько же

набожного, как и он сам, – вместе с тем считал его неспособным к какому бы то ни было серьезному делу, требующему от человека самостоятельности.

Но в это самое время, Магомед-Амин, занимавшийся здесь же чтением Корана, выразил нерешительным голосом желание ехать к абадзехам. Депутаты схватились за этот вызов и повторяя прежние свои просьбы, – высказали даже Шамилю несколько упреков за нежелание с его стороны быть полезным своим одноверцам в общем их деле. Это обстоятельство поставило в затруднительное положение не только Шамиля, но и самого Мирзу Амир-Хана, который вполне разделял его мнение о способностях Магомед-Амина.

Тогда абадзехские депутаты, приняв задумчивость, в которую впал Шамиль, размышлявший о средствах выйти из критического положения, за нерешительность с его стороны, – сказали ему следующее: «когда на том свете встретит тебя пророк с отверстыми объятиями и поведет в рай, то мы все абадзехи ухватимся за полы твоей черкески, не пустим тебя и скажем пророку, что ты недостоем блаженства, потому что отвергнул наши просьбы и оставил нас при жизни в такой крайней нужде».

Это окончательно подействовало на Шамиля, который, будучи вполне предан мистицизму, вообразил теперь, что само провидение голосом Магомед-Амина указывает на него, как на предводителя абадзехов. И он назначил его, рассчитывая, что ум человеческий и все дарования ничто перед волей божьей. Я думал еще и то, сказал в заключение Шамиль, что Магомед-Амин, который так много молится богу и с таким усердием исполня-

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

ет правила Корана, быть может, и в самом деле устроит хорошо свои дела, если не умом, то молитвой. Долго я сомневался в этом, но теперь вижу, что это действительно так и случилось, его молитвы были очень хорошие – бог услышал и исполнил их». (Дневник полковника Руновского, состоявшего при Шамиле во время пребывания его в Калуге, с 1859 по 1862 год // АКАК. Т. XII. Ч. 1. С. 1522-1523).

Первые действия наиба были направлены на объединение усилий черкесов. Под силой его убеждения старшины абадзехов отказались от мысли изгнать со своей территории всех убухов и хаджретов (кабардинцев), на которых возлагалась ответственность за поражение черкесского отряда под станицей Сенгилеевской. (Рапорт ген.-м. Ковалевского Завадовскому, от 17 января 1849 г., № 183 // АКАК. Т. X. С. 593). Генерал-майор Ковалевский знал заранее об этом плане абадзехов и считал его «благим намерением».

Появление деятельного наиба повлияло на настроения кабардинцев. Сенатор и генерал от инфантерии Дмитрий Гаврилович Анучин, подписывавший свои работы как А. Д. Г., отмечает, что разделение кабардинской общины в Закубанье произошло в 1849 г.: «В 1849 г. они вновь бежали за Лабу и в настоящее время непокорны нашему правительству. Между ними много храбрцев и наездников, предводительствующих хищническими партиями». (А. Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Военный сборник. 1860. Т. XI. № 1. С. 305).

Известно, что в ближайшем окружении Мухаммед-Амина входил кабардинский князь Асланбек Аджигиреев, который, по всей видимости, являлся родственником знаменитого хаджрета 20-х гг. Кучука Аджигиреева. С. Н. Бейтуганов приводит крайне интересный документ – донесение узденя Мусы Отпанокова ген.-м. Грамотину, от 6 июня 1856 г.: «Месяца три назад ездил я с вольноотпущенником Магомедом Кушевым в Абазехи к князю Асланбеку Аджигирееву в гости по билету вашего превосходительства. По прибытии туда Кушев (брат коего находился адъютантом у Магомед-Амина) сказал этому Амину, что будто бы я приехал в Абазехи лазутчиком, почему Амин приказал заарестовать меня, посадил в устроенную там гаубтвахту, где выдержал трое суток, и отобрать у меня все оружие, лошадь с 240 руб. серебром, но Аджигиреев и старши вырвали меня, и я отпущен...». (Цит. по: Бейтуганов С. Н. Кабарда... С. 115).

В 1849 г., согласно Сталю, «осмотревшись в крае, Магомед-Амин, руководимый Мамкой Шугуровым, собрал борисше до 3 тысяч конных и сделал смелый марш из Меакопы (уроч. Майкоп), через Псемен (в верховьях Большой Лабы) на

рр. Уруп и Кефар». Здесь он обратился к кабардинцам и башильбаевцам с призывом перейти на сторону борющегося народа. Но не все население этих обществ могло последовать, поскольку в долинах Зеленчука, Кувы и Урупа зрели их хлебные поля. Кроме того, «народ не хотел оставить свои земли и идти за р. Белую, где нет такого приволья, чтобы поместить всех, могущих бежать к непокорным».

Размежевание по Лабе, после основания одноименной линии, было не полным, поскольку значительная община кабардинских хаджретов оставалась среди абазин верхнего течения Малой Лабы. Здесь же находилось какое-то число бесленеевцев – в том числе аул Шелохой, бежавший из-под русского управления с реки Тегень в 1849 г. «Отложился от покорности» и бесленеевский князь Каспот Канок. Против этого населения было предпринято несколько значительных экспедиций.

В период с 23 по 27 января 1850 г. отряд полковника Волкова уничтожил аулы Бек-Мурзы и Изиго на Малой Лабе. Жители аула Бек-Мурзы фигурируют в документе как «беглые бекмурзаевцы». По всей видимости, под этим определением имеется в виду община аула кабардинского старшины (узденя) Бекмурзы Бабукова, которая считалась мирной в 1842 г. До того, как стать мирным этот аул был разорен войсками и на карте 1841 г. указан как Р. Бек-Мурзы Бабукова. Р. означает разрушенный или разоренный. Аул локализован на левом берегу Урупа, в районе устья левого притока Урупа – речки Кимбыр. (Карта земель между реками Кубанью и Лабой до главного хребта Кавказских гор, и по рекам: Псефири и Фарсу. Составлена из инструментальной съемки корпуса топографов штабс-капитана Петухова и одновременных рекогносцировок. В 1841 году // РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 5 / III – 10).

В предшествующем выпуске «Ликов...» приводится список аулов мирных кабардинцев в Закубанье в 1842 г. и в том числе а. Бекмурзы Бабукова «в вершине речки Урупа». Отсюда бекмурзаевцы и бежали за Лабу в 1849 г.

На рассвете 29 января 1850 г. части отряда под командованием полковника Волкова нанесли одновременно два удара: на кошы Каспота Каноква, где добычу составили 500 голов крупного рогатого скота, 1,500 овец и 3-е пленных и по Кизилбековскому аулу, население которого успело бежать. «Клубы дыма взвились над саклями кизилбековскими и обозначили уничтожение гнезда хищников. В то же время и той же участи подверглись и хутора кизилбековские, с огромными запасами хлеба и сена».

Во время этих событий погиб известный кабардинский

хаджрет Умар Маргушев, а один из наиболее авторитетных военных и политических лидеров черкесского сопротивления «вредный по своему влиянию» бесленеевский тлекулеш Хаджи Канамат Тлаходуков был тяжело ранен. (Выписка из журнала полк. Волкова о военных происшествиях на правом фланге Кавказской линии с 23 января по 26 февраля 1850 г. // АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 595-597).

После разорения аулов Бекмурзинского, Изиго, Кизилбековского, кошей Каноква, хуторов, «чувствительней потери в убитых, раненых и взятых в плен и, наконец, следствием лишения всего имущества» лидеры черкесов были вынуждены вступить в переговоры с военными властями.

Те урупские кабардинцы, которые под влиянием агитации наиба, переселились в верхнее течение Лабы, «с дошедшими к ним слухами о потерях неприятеля сделались благоразумнее и уступчивее».

10 февраля к Волкову прибыли князь, узденя и старшины урупских кабардинцев и башильбаевцев. Полковник представил им нехитрую дилемму: разорение по примеру бекмурзаевцев и кизилбековцев или обратное возвращение на Зеленчуки с наступлением весны, разумеется, при обязательной выдаче аманатов. «В помощь убеждениям этим, – писал Волков, – было присутствие отряда нашего, расположенного близ укр. Ахмет-горского и сторожить проходы из Псеменского леса на Лабу, по которым удобнее всего могли они бежать».

12 февраля урупские кабардинцы и башильбаевцы приняли все требования начальства и выдали аманатов. Это событие Волков считал важным фактором дальнейшего замирения «племени правого фланга»: «Племена соседственные урупским кабардинцам, привыкнув видеть в народе этом примеры необузданного своеволия, остававшегося часто без наказания, в смиренности их почувствуют несомненную силу оружия нашего и необходимость безусловной покорности».

Теперь, после экспедиции Волкова, на пространстве между верховьями Урупа и Лабы не осталось ни одного аула и этот результат также осмысливался как исключительно позитивный: «Пространство между Бежгоном, верховьями Урупа и Лабой, очищенное от аулов, перестанет быть притоном в той степени, как прежде, неприятельских партий, где находили они всегда готовое продовольствие. Передержательства абреков прекратятся и неприятель, явившись в тех местах, не будет, по крайней мере, скрываться под кровом своих соумышленников».

Все эти наблюдения Волкова были верны, но дальнейшие события показали, что горское сопротивление на этом фланге еще далеко не сломлено.

Уже 14 февраля движению отряда полковника Ягодина в районе реки Андрюк воспрепятствовали кизилбековцы, тамовцы и шахгиреевцы. Действиями горцев руководил кизилбековский султан. Абазины были устроены завалы, которые приходилось устранять действием артиллерии. В нескольких упорных схватках войскам досталось два неприятельских тела: «беглого 1-й степени узденя Мухаммеда Докшукова и известного разбойника кабардинца Кулова». Кроме того, «неприятель потерял много убитыми и ранеными, и в числе первых Батыр-Гирея Докшукова».

Уклониться от переселения на Зеленчуки кабардинцам было в этих условиях весьма затруднительно. 12 апреля под конвоем войск они двинулись на отведенные им места.

А за день до этого, на рассвете 11 апреля, сильный отряд полковника Васмунда внезапно обрушился на аул «беглого цебельдинского князя» Эсшау Маршания, расположенный в «неприступном ущелье Урупа». Само собой, это был именно такой аул, «в котором формировались и скрывались партии горцев, производивших набеги на обе линии». Под общим руководством полковника Войщицкого, подоспевшего с целым Ставропольским казачьим полком, после «двухчасового боя, в котором русские и горцы несколько раз вступали в рукопашную борьбу, аул был взят и сожжен». (Щербина Ф. А. История... С. 479).

Обращает на себя изощренность действий Волкова, который заранее приказал прибыть в Надежинское укрепление группе цебельдинцев, которых вынудил участвовать в захвате аула. Они должны были захватить Эсшау Маршания, но застали в его сакле только четырех женщин: «Если он и не попал вместе со своими абреками, то пример их гибели лишит его последователей и он, оставленный один, не будет уже столько вреден; аул его предан пламени, скот и все имущество сделались добычей казаков». (Рапорт полк. Волкова ген.-л. Завадовскому, от 19 апреля 1850 г., № 1345 // АКАК. Т. X. С. 597-598). При обороне аула погибли приглашенные Маршания тамовцы и кизилбековцы. Потери русских составили убитыми 2, ранеными 24.

В последующем рапорте князя Воронцова военному министру Чернышеву сообщается об «удачном набеге» на аул Эсшау Маршания и приводится его второе название – Херписовский аул. (АКАК. Т. X. С. 598-599). В этом названии отразилось адыгское обозначение цебельдинского общества как Хирпис-куадж. (Людль Л. Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: Черкесами (Адиге), Абхазцами (Азеге) и другими смежными

с ними // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн. IV. Тифлис, 1857. С. 181).

Для А. Шпаковского, участника захвата Херписовского аула и автора интереснейших мемуаров, это был аул беглых кабардинцев. Шпаковский знал сносно черкесский язык и его восприятие аула как кабардинского, по всей видимости, было вызвано тем обстоятельством, что он слышал здесь кабардинскую речь. (Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. 1872. № 8 (Август). Отд. I. С. 347).

Взятие этого аула, как писал Волков, «подтвердило недавний пример разоренных мной трех аулов Бек-Мурзы и Кизилбековского и этим отвратило многих из кабардинцев и башильбаевцев от ошибки укрываться от власти правительства».

14 апреля 1850 г. урупские кабардинцы и башильбаевцы под конвоем отряда переселились на Большой Зеленчук и поступили под управление подполковника Соколова, тахтамышевского пристава. (Рапорт полк. Волкова ген.-л. Завадовскому от 19 апреля 1850 г. № 1345 // АКАК. Т. X. С. 597-598).

Отряд, обеспечивавший переселение кабардинцев, еще не был распущен, как 3 мая значительный черкесский отряд под началом самого Мухаммед-Амина перешел на правый берег Белой и двинулся в направлении Лабы. Целью наиба было вызволение кабардинцев и бесленеевцев и их переселение на территорию борющейся Черкесии. 5 мая у водораздела рек Окарт и Лаба черкесы окружили отряд полковника Ягодина (8 сотен казаков при 2 орудиях) и ожесточенно атаковали его. Русские, выстроившись в каре, защищались «от атак неприятеля, следовавших одна за другой с невероятной настойчивостью». В это время появились две сотни Ставропольского казачьего полка. Командиры приняли храброе, но опрометчивое решение сходу ударить в тыл черкесам и тем самым посеять панику в их рядах. Желанного эффекта эта атака не повлекла: часть черкесов отделилась от основных сил, окружила ставропольцев и полностью уничтожила их.

Согласно журналу ген.-м. Евдокимова, потери этого дня составили убитыми 151 (обер-офицеров 4 и нижних чинов 147), ранеными 52 (обер-офицеров 3, нижних чинов 49). (Журнал ген.-м. Евдокимова о военных происшествиях на правом фланге Кавказской линии с 20 апреля по 20 мая 1850 г. // АКАК. Т. X. С. 599-600). После этого боя силы Мухаммед-Амина отступили за Белую.

Самир ХОТКО.

Продолжение в следующем выпуске.